

СТИЛИСТИКА АРХИТЕКТУРЫ БЕЛАРУСИ ЭПОХИ КЛАССИЦИЗМА: СМЫСЛ И ЗНАЧЕНИЕ

Творческая биография Ивана Владиславовича Жолтовского поражает завидным долголетием. В первой половине своего творческого пути, в начале XX в., он был связан с развитием стилистики неоклассицизма в русской архитектуре, очень продуктивно работал, создав знаковые для того времени произведения – особняк Тарасова на Спиридоновке и дом Скакового общества в Москве. В них автор с особым артистизмом интерпретировал известные образцы архитектуры итальянского Возрождения, видоизменяя их путем введения новых пропорциональных соотношений, что было выполнено в духе характерных для того времени поисков математических закономерностей построения Вселенной. Вторая же половина творчества зодчего прошла под знаком освоения классицистического наследия в социалистическую эпоху. И здесь он становится законодателем архитектурной моды, творческим вдохновителем созданной им собственной архитектурной школы. И.В. Жолтовский получает высшие государственные награды, создает ряд ключевых произведений сталинской эпохи, среди которых жилой дом на Моховой в Москве, ставший первым богато декорированным жилым домом столицы, предопределившим характер создаваемой в то время парадной застройки проспектов помпезными жилыми домами по подобию итальянских палаццо эпохи Возрождения.

Его деятельность развивалась во время резкой смены творческой направленности и архитектурной стилистики в России и СССР, когда многие не менее талантливые зодчие, такие как И.Ф. Шехтель, К.И. Мельников, И.И. Леонидов, так и не смогли

приспособиться к новым условиям и были вытеснены с магистрального пути развития советской архитектуры. А Жолтовскому в то время удавалось практически всё. Он был востребован и в капиталистической России, и в СССР.

Думается, причина такой продолжительной и плодотворной творческой деятельности мастера – его постоянная и непоколебимая приверженность классике. Именно следование ее вечным законам помогло зодчему не только выстоять в сложных изменяющихся социальных условиях, подчас всецело уходя в педагогику и теоретические изыскания, но и создавать вдохновенные высокохудожественные образцы архитектуры социалистической эпохи. Хотя его архитектура в разные периоды выражала различные, а подчас и противоположные идеи и была наполнена различным содержанием.

Неоклассицизм начала XX в., как известно, возник в интеллектуальном контексте науки об искусстве. Он в наибольшей степени распространился в архитектуре особняков и усадеб и стал выражением культуры частного человека. Он не был связан с государственной идеологией, не подпитывался государственным заказом и даже в определенной мере был оппозиционен власти, которая поддерживала русский стиль [1, с. 154].

Классика же сталинской эпохи, наоборот, была инспирирована государственной идеологией. Она утверждала вечность коммунистических идей, пафос и героизм борьбы за их осуществление. Она как бы олицетворяла собой светлое коммунистическое будущее, демонстрируя своими

Валерий Морозов

ансамблями фрагменты будущей счастливой жизни с ее материальной избыточностью и праздничностью.

Классика стала основой творчества не только И.В. Жолтовского – она являлась основой всего европейского и даже мирового зодчества. Возникнув в Древней Греции, ее достижения и традиции были развиты в Древнем Риме. Затем, через тысячелетие, последовало возрождение классики в архитектуре Ренессанса. Во французской архитектуре XVII в. она служила обрамлением жизни в эпоху расцвета абсолютизма. В эпоху Просвещения и романтизма, в конце XVIII – первой половине XIX в. охватила практически все европейские страны, получив развитие и в США. XX в. также принес неоднократные «возрождения» классики. Это и уже упоминавшаяся архитектура неоклассицизма начала XX в., и расцвет классики в середине XX в. в Германии, СССР и сопредельных странах. И, наконец, ироническое истолкование ее в архитектуре постмодернизма конца XX в.

Причем, как мы видим, за столетия своего развития классика изменялась. Она вбирала в себя смыслы, содержание и идеи различных эпох. Но что удивительно – при каждом новом возрождении не теряла своей подлинности, не приобретала

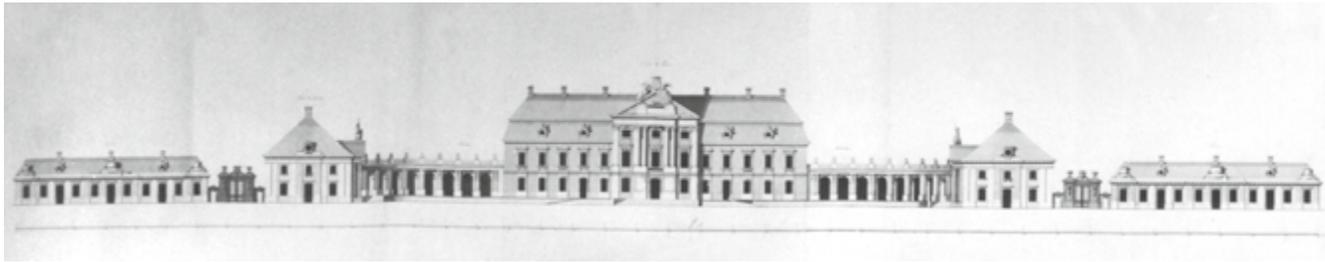

Рис. 1. Дворец Сапегов в Ружанах (1598 – конец XVIII в.). Проект главного фасада

черты вторичности, как, например, неоготика XIX в., которая, безусловно, сильно проигрывала своей прародительнице – готике эпохи Средневековья.

Классика всегда возрождалась по-новому. Проходили исторические события, изменялись исторические условия, а она оставалась. И стала как бы константой развития цивилизации, развития культуры человечества. Возможно, благодаря демократическим основам, заложенным в ней.

Особенностью классики является своеобразный универсализм, и в этом состоит загадка ее возрождений на различных исторических этапах развития общества. Чтобы хоть в какой-то мере приблизиться к ее решению, следует очертить круг смыслов и значений, впитанных классикой за время своего многовекового развития. А также охарактеризовать смыслы и значения архитектуры классицизма в Беларуси.

Классицизм в архитектуре Беларуси развивался со второй половины XVIII в. вплоть до середины XIX в. и охватил почти столетие. Этот период был насыщен различными историческими событиями, сменявшимися друг друга, и переплетающимися между собой идеями Просвещения и сентиментализма, романтизма и нарождающегося реализма. Все это вбирала архитектура классицизма, изменяясь и создавая внутри себя особые течения и направления. Основными в то время были барочный классицизм, строгий стиль, ампир и рациональный классицизм [2, с. 52]. Для выяснения смысла, присущего стилистике классицизма, охарактеризуем каждое из них.

Наиболее ранним направлением классицистической стилистики, распространившимся с 1760-х гг. до начала XIX в., являлся барочный классицизм. Он включал в себя возвращение к большому стилю французской архитектуры XVII в. времен Людовика XIV и рокайльно-классицистическое направление. Они и получили распространение на белорусских землях благодаря популярности идей французского Просвещения и влиянию передовой в то время архитектуры Франции.

Интерес к большому стилю был вызван привлекательностью политики просвещенного абсолютизма. Общественные деятели Франции обратили свои мысленные взоры к эпохе Людовика XIV как наиболее полно отвечающей чаяниям своего времени. Этому же способствовала популярность книги Вольтера «Век Людовика XIV» [3, с. 75].

Стилистика французской архитектуры XVII в. отражала идеи сильной государственной власти эпохи расцвета

абсолютизма, пафос и размах деяний того периода. Для трансляции этих идей использовался арсенал архитектурных форм времен Людовика XIV – больших размеров колоннады и портики со сдвоенными колоннами наподобие колоннады Лувра, триумфальные арки. Все это получило распространение и в строительстве грандиозных дворцов князя А. Сапеги в Ружанах, Деречине и Высоком, в которых он попытался воскресить амбиции своего древнего влиятельного рода (рис. 1).

Рокайльно-классицистическое направление барочного классицизма характеризуется камерным масштабом построек и включением в барочно-рокайльный строй сооружений классицистических элементов и деталей. Оно нашло отражение в строительстве королевских резиденций в окрестностях Гродно – в Станиславово и Августово, а затем дворцов просвещенных магнатов в Святске и Щорсах (рис. 2). В королевских резиденциях данное направление олицетворяло стремление короля к созданию уютного и простого окружения, что было объяснимо сложными экономическими условиями страны. Кроме того, здесь ощущимо желание приблизить их к облику усадебных домов шляхты, чем он стремился показать свою связь с широкими слоями населения. В резиденциях же в Святске и Щорсах прослеживается желание магнатов подражать художественным вкусам короля.

Начиная с 1760-х гг. в архитектуре Беларуси вплоть до 1830-х гг. получило распространение достаточно всеобъемлющее явление – строгий стиль классицизма.

Рис. 2. Дворец короля Станислава Августа в Станиславове (1770-е гг., архит. Дж. Сакко). Вид со стороны парка

Оно включало палладианство, строгий стиль виленского классицизма, академизм и многое другое. Современное состояние научных исследований не позволяет достаточно точно охарактеризовать проявление каждого из них в белорусской архитектуре. Однако очевидно, что все эти направления объединяет стремление к созданию строгой античной архитектуры в противовес уходящим вычурным формам барокко и рококо.

В европейской архитектуре такое широко распространенное явление, как палладианство, связано с популярностью трактата А. Палладио, особо востребованного в эпоху Просвещения, когда архитекторы и заказчики обратились к античной архитектуре как образцу для современного строительства. Из книги итальянского зодчего архитекторы брали в качестве основы общие объемные композиции построения зданий с флигелями, которые зачастую соединялись прямоугольными или циркульными колоннадами, а также облик античных построек, чертежи которых были помещены в трактате.

Представителями палладианства были Дж. Кваренги и Н.А. Львов, однако на белорусской земле они создали лишь несколько объектов. Наиболее известным «палладианцем» стал итальянский архитектор К. Спампани, который активно работал здесь в 1780-е гг. В белорусскую дворцово-усадебную архитектуру он привнес облик компактного классицистического дома с прямоугольной формой плана, классицистическим портиком на главном фасаде и флигелями, соединенными с главным зданием колоннадами (рис. 3).

Связано с палладианством и творчество английского архитектора Дж. Кларка – автора каменной застройки Гомеля начала XIX в. Здесь также была использована характерная для Палладио тема прямоугольного в плане здания-блока с классицистическим портиком.

Следует отметить, что на формирование классицистической застройки Гомеля основное влияние оказали рационалистические идеи Просвещения, которые привносил заказчик строительства граф Н.П. Румянцев, требовавший от Кларка создания «...архитектуры простой, без больших наружных украшений» [4, с. 155]. В ней проявились и

Рис. 3. Усадебный дом К. Завиши в Кухтичах (1779 г., архит. К. Спампани). Общий вид (рисунки Н. Орды)

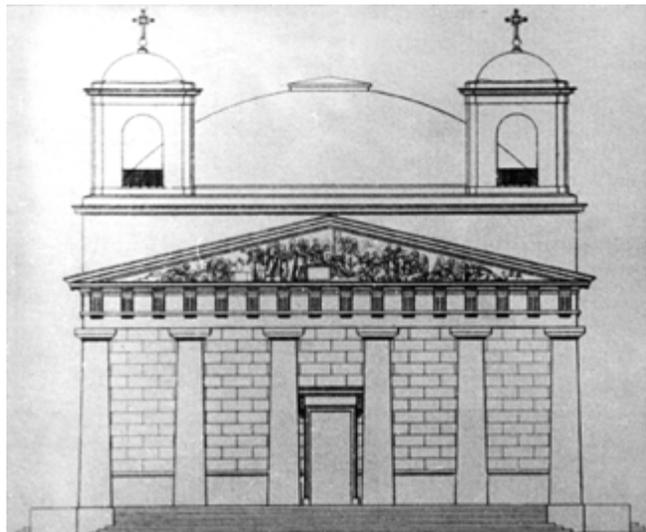

Рис. 4. Костел в Гомеле (1822 г., архит. Дж. Кларк). Проект главного фасада

дидактические функции, что вылилось в создание основных построек по образцам выдающихся произведений мирового зодчества. Так, гомельский костел напоминал Пантеон в Риме (рис. 4), собор Святых Петра и Павла – церковь Св. Женевьевы в Париже, гостиный двор – «серебряные ряды» на Невском проспекте в Петербурге, экономический дом графа Н.П. Румянцева – усадебный дом в Бедфордшире в Англии.

Эти архитектурные произведения не только образовывали людей, привносили в их жизнь черты практицизма и экономии, но и оказывали влияние на воспитание высоких моральных качеств. И наиболее существенна в этом роль архитекторов и заказчиков, связанных с масонством. Именно масоны стремились наделять постройки чертами символичности, используя в их композиции простые геометрические формы. Таким образом они хотели изменить человека, сделать окружающий его мир лучше. Наиболее известными представителями масонства, которые повлияли на появление многих зданий в стилистике строгого классицизма, были граф З.Г. Чернышев и архитектор Л. Гуцевич.

Граф Чернышев в своем частновладельческом Чечерске создал идеальные геометрические построения композиции города, поместив в его центре готико-классицистическое здание ратуши с символическим пятибашенным завершением, окружив его четырьмя практически идентичными церквями-ротондами в стилистике строгого классицизма. В этом ясно прочитывается желание графа через символику геометрических построений плана города и основных зданий повлиять на сознание его обитателей [5, с. 81–83, 100–103].

Выдающийся литовский архитектор, первый заведующий кафедрой архитектуры Виленского университета Л. Гуцевич известен прежде всего как автор главных классицистических сооружений Вильно – здания ратуши и перестройки кафедрального собора. Они отличаются простыми объемами, строгостью и суровостью форм. На творчество Гуцевича оказала воздействие деятельность французских архитекторов-авангардистов К. Леду и Ж. Пейре и, как отмечал В. Татаркевич, соотносилось оно не

Рис. 5. Костел св. Станислава в Могилеве (1738 г., перестроен в 1788–1794 гг., архит. Л. Гуцевич). Общий вид

с рационализмом, а скорее с мистицизмом. Смысл своего творчества, по словам Л. Гуцевича, он видел в стремлении своими постройками показать правду людям [6, с. 104].

По его проектам выполнены перестройка кармелитского костела в Могилеве, где архитектор полностью изменил фасад здания, возведя в его центре больших размеров классический портик; дворец католического архиепископа в Могилеве и костел в Молятичах, представляющий собой уменьшенную копию собора Св. Петра в Риме [7, с. 110–116] (рис. 5).

Следует отметить, что именно творчество Л. Гуцевича и его учеников заложило основы такого явления в архитектуре Беларуси, как строгий стиль виленского классицизма. Его творения отличались большей строгостью, излишней лапидарностью и огрубленностью форм, аскетизмом архитектурных средств. Строгий стиль широко распространился в дворцово-усадебном зодчестве Беларуси. Характерный пример тому – постройки графа И. Тышкевича в Воложине, созданные виленским архитектором А. Коссаковским (рис. 6).

Этот стиль выбирали дворяне-патриоты, которые в повседневной жизни демонстрировали своеобразное рыцарские поведение, стремились окружить себя строгой спартанской обстановкой. Их дома – крупные шляхетские старосветские сооружения – выделялись отсутствием лепных украшений и простотой убранства, подчас нарочито выставляемой. Этим они сближались с домами французских архитекторов-авангардистов времен французской буржуазной революции, несли в себе революционный заряд. Стиль виленского классицизма создал облик «храмовидного» усадебного дома шляхты Великого Княжества Литовского. Такие усадьбы стали традиционными для местного сельского пейзажа рубежа XVIII–XIX вв. Подобное здание описано А. Мицкевичем в поэме «Пан Тадеуш» и напоминало усадебный дом в Чомброве под Новогрудком (рис. 7). В этих домах происходили не только романтические свидания, но и вызревали великие освободительные идеи, приведшие к восстаниям 1794, 1831

Рис. 6. Дворец графа И. Тышкевича в Воложине (начало XIX в., архит. А. Коссаковский). Общий вид флигеля

и 1861 гг., так что строгий стиль виленского классицизма можно назвать стилем сопротивления. Он был популярен в архитектуре ВКЛ вплоть до середины XIX в., а затем уступил место рациональному направлению, которое несло в себе уже идеи экономии и бережливости.

С начала XIX в., в особенности после Отечественной войны 1812 г., в белорусскую архитектуру приходит стилистика ампира. Для него характерна любовь к монументальности, торжественности, крупным членениям в виде простых геометрических форм. В решении фасадов использовались эстетические качества больших гладких поверхностей с резко очерченными гранями, на которые накладывались тонкие и изящные барельефные композиции на тему воинской атрибутики.

В наибольшей степени ампир проявился в военном строительстве при создании ансамблей Брестской и особенно Бобруйской крепостей. Проектирование осуществлялось петербургскими зодчими под руководством А.Е. Штауберта, соратника К.И. Росси. Здесь нашло отражение характерное для петербургской архитектуры первой половины XIX в. стремление к созданию представительных парадных ансамблей, демонстрирующих силу и мощь Российского государства. Аналогичные идеи были заложены в строительстве немногочисленных в то время

Рис. 7. Усадебный дом Карповичей в Чомброве (начало XIX в.). Общий вид (фото начала XX в.)

Рис. 8. Дворец Румянцевых-Паскевичей в Гомеле (1777–1851 гг., перестроен в 1836–1851 гг., архит. А. Иджковский). Общий вид

общественных зданий, а также православных церквей, проекты которых также разрабатывались петербургскими архитекторами.

В значительно меньшей степени черты ампира проявились в дворцово-усадебном зодчестве, где в первой половине XIX в. доминировала стилистика строгого классицизма. Лишь во дворцах богатейшего дворянства – Паскевичей в Гомеле и Булгаков в Жиличах, возводимых в николаевскую эпоху, их владельцы через высокие декоративные качества ампира стремились продемонстрировать собственные амбиции и огромные финансовые возможности (рис. 8).

Завершило развитие классицистической стилистики в архитектуре Беларуси рациональное направление. Ранее в исследованиях архитектуры классицизма, относящихся к началу – середине XX в., последняя стадия развития классицизма соотносилась с утратой им благотворных идейных основ и характеризовалась чертами вырождения и упадка [8, с. 366; 9, с. 337]. Причиной такой негативной характеристики явилось то, что основное внимание исследователи уделяли рассмотрению формальных качеств стилистики без достаточного внимания к их содержательным аспектам. На самом же деле появление черт сухости и схематизма в архитектуре позднего классицизма было обусловлено потребностями общества в архитектуре простой и экономичной и явилось результатом внедрения теории рационального классицизма, созданной французским архитектором и педагогом,

Рис. 9. Гимназия в Слуцке (1829 г., архит. К. Подчашинский). Общий вид

профессором политехнического института в Париже Ж. Дюраном.

Основной постулат сформулированной Дюраном теории гласил, что не красота, а потребность, функциональная предназначенность является главной целью деятельности зодчего [10, с. 30]. Отсюда он выводил основной тезис о том, что архитектура должна быть практичной и экономичной. Дюран разработал свой специфический метод проектирования, который основывался на сохранении строгой симметрии и осевых построений, механическом повторении элементов и частей здания, общем композиционном построении зданий, основанном на наиболее простых геометрических фигурах и т.д.

В Беларуси рациональное направление классицистической стилистики получило значительное распространение намного раньше, нежели на всей остальной территории Российской империи, – с 1820-х гг. Произошло это благодаря деятельности профессора Виленского университета К. Подчашинского, ученика Ж. Дюрана.

С особой силой данное направление проявилось в архитектуре учебных зданий в Бресте, Невеле, Слуцке и Мозыре [7, с. 125–140]. К. Подчашинский создал новый облик учебного здания небольшого компактного объема и простой монументальной архитектуры без лишних декоративных украшений, что отвечало местным условиям строительства (рис. 9). В дальнейшем рациональный классицизм стал стилем поздней николаевской эпохи. С его использованием построены

многие обширные воинские комплексы, где основным мотивом декорировки фасада стали окна с арочными завершениями. Этот «арочный стиль» знаменовал собой уход от применения ордерных систем и завершение развития стиля классицизм, на что повлияли идеи зарождающегося в искусстве реализма.

Таким образом, классицизм в архитектуре Беларуси прошел значительный путь развития, изменяясь и приспособляясь к требованиям времени и включая в себя различные идеи и смыслы. Кроме того, ему присуща способность впитывать и отражать национальное своеобразие культуры различных народов. И надо признать, классицизм обладает такими чертами универсализма в выражении идей и смыслов, которыми не обладал ни один стиль, развивавшийся до и после него. А так как именно в период его развития в конце XVIII в. произошел переход от традиционного, опирающегося на идеи Витрувия архитектурного творчества к современному композиционному подходу при проектировании зданий, то мы вправе ожидать неоднократных ренессансов классицизма в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ревзин, Г.И. Неоклассицизм в русской архитектуре начала XX века / Г.И. Ревзин. – М.: Ротапринт ВНИИТАГ, 1992. – 187 с.
2. Морозов, В.Ф. Стили и направления в архитектуре Беларуси второй половины XVIII – первой половины XIX века / В.Ф. Морозов. – Минск: БНТУ, 2016. – 239 с.
3. Jaroszewski, T.S. Architektura doby Oświecenia w Polsce: Nurty i odmiany / T.S. Jaroszewski. – Wrocław: Wydawnictwo PAN, 1971. – 342 s.
4. Морозов, В.Ф. Гомель классический. Эпоха. Меценаты. Архитектура / В.Ф. Морозов. – Мн.: Четыре четверти, 1997. – 336 с.
5. Морозов, В.Ф. Архитектурные школы в монументальном зодчестве Беларуси конца XVIII – начала XIX в. / В.Ф. Морозов. – Минск: БНТУ, 2011. – 224 с.
6. Tatkiewicz, W. O sztuce Polskiej XVII i XVIII wieku: Architektura i rzeźba / W. Tatkiewicz. – Warszawa: PWN, 1966. – 538 s.
7. Морозов, В.Ф. Архитектура пограничья культур Беларуси, Литвы и Польши. Эпоха классицизма / В.Ф. Морозов. – Минск: БНТУ, 2012. – 176 с.
8. Грабарь, И.Э. Петербургская архитектура в XVIII и XIX веках / И.Э. Грабарь. – СПб.: Лениздат, 1994. – 348 с.
9. Пилявский, В.И. История русской архитектуры: учебник для вузов / В.И. Пилявский, А.А. Тиц, Ю.С. Ушаков. – Л.: Стройиздат, Ленингр. отд.-ние, 1984. – 512 с.
10. Rottermund, A. Jean-Nicolas-Louis Durand a polska architektura I połowy XIX wieku / A. Rottermund. – Wrocław: PWN, 1990. – 166 s.